

НИКОЛАЙ ГАРИН-
МИХАЙЛОВСКИЙ

**КАРАНДАШОМ С
НАТУРЫ. ПО
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ**

Николай Гарин-Михайловский

**Карандашом с натуры.
По Западной Сибири**

«Public Domain»

1894

Гарин-Михайловский Н. Г.

Карандашом с натуры. По Западной Сибири / Н. Г. Гарин-Михайловский — «Public Domain», 1894

«Тому уж несколько лет. Едем по Уральской дороге, и из окна вагона видны знаменитые демидовские заводы. Было время, когда люди сотнями здесь пропадали с лица земли, о том повествуют летописи, знают бездонные погреба и кладбища...»

© Гарин-Михайловский Н. Г., 1894

© Public Domain, 1894

Содержание

Глава I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Николай Гарин-Михайловский

Карандашом с натуры.

По Западной Сибири

Глава I

Между Пермью и Тюменью. – Тобольская Обь. – Коренные сибиряки. – Рассказы Ивана Владимировича. – Остяки. – Томск.

Тому уж несколько лет. Едем по Уральской дороге, и из окна вагона видны знаменитые демидовские заводы. Было время, когда люди сотнями здесь пропадали с лица земли, о том повествуют летописи, знают бездонные погребя и кладбища. И те и другие – места последнего прибежища и жертв и палачей. Сбыт фальшивой монеты шел здесь открыто. На упрек Екатерины II Демидов добродушно ответил:

– И, матушка, о чем толковать! Все мы твои и с потрохами!

Смотришь на эти чистенькие и беленькие постройки, крытые железом зеленые крыши, – на весь этот уютный и манящий к себе вид в майской веселой обстановке, и невольно рисуются в контраст захлебывавшиеся когда-то в погребях, исковерканные ужасом и мукою лица... Дальше...

Вот и грязная Тюмень со своими «нуждающимися» переселенцами, река Тура, маленькая, узкая. Пароход то за дно задевает, то за берег.

По сторонам поля, поля и поля. Изредка деревушка на берегу. Навозу масса, и берег весь завален, – значит, в поле не возят.

В Иртыш вошли. Все та же пустынная равнина.

– Какая же это Сибирь? – говорит, недовольно морщась, один из пассажиров, инженер с собакой. – И что тут покорила Ермак, когда и теперь никого нет?

– Это, батюшка, все от настроения зависит, – отвечает мрачный контролер. – У меня был знакомый, и, знаете, его послали на Кавказ от пьянства лечиться. Ну, водки, конечно, ни-ни. Так что бы вы думали: озлился. Встречаю его, спрашиваю: «Ну, что Кавказ, как?» – «Какой Кавказ? говорит, никакого Кавказа нет». – «Ну, как же, говорю, все-таки – виды...» – «Какие виды? никаких видов нет». – «Горы...» – «И гор никаких нет...» Вот до чего можно дойти.

Тобольск. Мостовые из досок, музей, памятник Ермаку. Музей небольшой, привлекающий своей простотой и запахом Сибири: эскимосы, самоеды, олени, медведи, упряжь, одежда, оружие, латы; но тут же поломанный нивелир фабрики Герлаха. И он, конечно, выстоится и в свое время тоже стариной станет. По стенам портреты Ермака. Пять их, и сходства между ними никакого.

На обратном пути из города к пароходу встретили партию арестантов. Идут, звенят кандалами; торчат рыжие голенища; серые халаты, на спинах по два бубновых туза; наполовину обритые головы по продольному направлению. Арестанты на нас, мы на них смотрим, ищем следов злобы, отчаяния, преступления, но глаз утомляется на общих масках тупого равнодушия, апатии, и только изредка ловишь злорадный, звериный взгляд тоски и горя. И все то же общее впечатление строго арестантского цвета: серого неба, серой реки и всей серой, однообразной природы, той Сибири, которую мы до сих пор видели.

Приехали на пароход. До отхода еще полчаса. Пьют пиво, разговаривают о городе, рассматривают покупки и угадывают цены. На пристани праздного народа масса. Стоят и смотрят. Молодой человек, в легком костюме, довольно грязном, больше, очевидно, думающий о материях высших, чем о том, что у него под ногами, споткнувшись на кем-то положенную палку, чуть было не растянулся на полу, но оправился и сел возле меня.

– Далеко-с?

– В Томск.

– Из Петербурга?

– Да.

– А я, позвольте представиться, здешний репортер. Может, слышали о нашей газете? Не слышали, конечно; двести пятнадцать экземпляров расходуется. Сто восемьдесят платных, тридцать пять даровых. При начале издания так и рассчитывали: городскими только ошиблись – считали восемьдесят, а набралось девяносто.

– Что ж вы не продаете отдельными нумерами? Вот бы и мы купили.

– Не разрешают.

– Как же? Ведь это мера наказания.

– Ну, и редактор то же говорит, а местная власть говорит, что она права не имеет на розничную продажу, ну, и не продает... Конечно, если бы чрез министра – можно бы добиться; но ведь тогда совсем зарез будет: вроде войны выйдет, – тогда и все бросай. Теперь и то уж... Дама одна... тут благотворительный спектакль нам расстроила. Ну и описали так слегка в газете, а муж ее, доктор, ведь редактору и залепил затрещину. Да еще как залепил, – сзади! А! Ну, хотели огласку дать, – не разрешили.

– Дуэль была?

– Какая там дуэль... Так и пропало! А вы никакого материала не дадите нам?

– К сожалению, не имею... Да ведь у вас много же матерьялу должно быть и здесь.

– Да его-то много, да не любит наш цензор, вычеркивает. Пишите, говорит, о чем хотите, – ну, о других губерниях; что вам непременно далась здешняя: забудьте о ней. Ну, о чем же писать? Кто его знает, как у других, свою знаешь...

– А можно бы было написать, если б позволили?

Молодой человек только рукой махнул.

– Пиво-то на пароходе у вас лучше нашего, сибирского? У нас вроде как будто не настоящее.

– Еще бы в Сибири захотели настоящего, – вмешался один из пассажиров, Иван Владимирович. – В Сибири уж такое положение... все исполняющие должность, – ну, и пиво тоже вроде того, что должность исполняет.

Рассмеялись. Репортер заглянул мне в глаза и тоже вдруг рассмеялся. Добрые голубые глаза, голая шея, порыжелые сапоги, желтое лицо.

Опять поехали. Берег все уходил, река шире да шире.

Проснулись как-то: Обь. Куда глаз ни хватит, все вода да вода, а по ней, точно плавучие кусты, целые острова – голые, лишайные, с тонкими прутьями тальника, еле распустившегося. Чтобы сказать величественно было, поражало, подавляло – нет. Скучно просто...

– Чего смотреть? Идем в каюты. Там пиво, хоть выпить можно, а здесь на ветру...

И, не договорив, контролер молча стал спускаться с трапа.

Инженер с собакой еще постоял, скрючившись от «дыханья Ледовитого океана», или, говоря проще, от северного ветра; оглянул серую безжизненную гладь, пустую палубу и тоже ушел.

Поскрипывает пароход, иногда порядком покачивается от расхлывшихся на просторе волн; сверкают мрачные свинцовые тучи; ветер воет; оголенные деревья, когда к ним подой-

дешь поближе, свистят свою унылую осеннюю песенку. Кто бы узнал здесь, в этом костюме веселый месяц май во второй его половине?

В рубке все уютно сидят, все выползли из своих кают: кто играет, кто обедает, кто чай пьет. Никто не читает только. Дамы с работой чувствуют себя хорошо, уютно, не прочь от беседы, – умные слова, умные речи – товар лицом показывается. Только двое – контролер и инженер скучными, усталыми глазами обводят по временам общество и еще усерднее после того стараются забыть за картами все окружающее.

Иван Владимирович, толстый старик со вставными зубами, коренной сибиряк, как он сам себя аттестует, сидит на диване и рассказывает о сибирских делах и порядках. Рассказывает о том, как в Томске один полициймейстер из беглых сидел несколько лет и ушел по доброй воле, а не уйди – и теперь бы, вероятно, сидел, о том, как один сибиряк пропал за то, что дневник вел.

– И ничего в этом дневнике, знаете, не было, кроме одной фразы, что вот, мол, какие бывают прекрасные люди. Ну, и рассказ при этом.

– Да за что ж тут пропадать? – окрылся инженер.

– А вот пропал же, – с злорадным торжеством проговорил Иван Владимирович и начал нюхать из табакерки табак.

– Да... – начал было инженер, вероятно желая возразить, но посмотрел на рассказчика, на публику и пренебрежительно переглянулся с контролером, получил поддержку и молча уткнулся в карты.

– Вот и да... – тихо, самодовольно пробурчал Иван Владимирович, – вот и да... Надо сибирскую жизнь знать, понимать надо... вот тогда и будет да.

И опять новые рассказы про горного исправника. Иван Владимирович искусно обрисовал тип пройдохи-негодяя, которого тридцать раз прогоняли за воровство, но в критические минуты снова принимали на службу за распорядительность.

– Действительно, я вам доложу, – говорил Иван Владимирович, сидя степенно, опираясь одной рукой о сиденье дивана, а другой, в которой была тавлинка с табаком и платок с красным обводом, плавно проводя по временам по воздуху, – бывают такие случаи в приисковом деле, что хоть бери, а дело делай. А то ведь неопытный да нераспорядительный совсем зарежет. Да вот я вам скажу... Приняли одного... Ну, действительно, честный, – ни-ни... Ну, хорошо... Приезжает на прииск... Речь рабочим говорит... объясняет им, что он взятку брать не будет и все у него будет по закону... Хорошо... Едет на второй прииск – и там то же... на третий... Объехал всех, воротился в свою резиденцию и руки потирает от удовольствия, какой он честный человек. Вдруг – трах! – Бунт на приисках, бунт на приисках, в одном, другом, третьем... Сразу раскусили, что за гусь... Туда, сюда... Да хорошо, что еще вовремя догадались убрать, а то наделал бы таких делов... Круть-верть: опять этого прощельгу вернули... через месяц все тихо, спокойно. А так не видно: вор, вор, а вот как прогнали, вот тогда и оказалось... Ну, а вор действительно... грабитель просто...

– А в чем же польза от него? – спросил инженер.

– Ну, как в чем? Надо знать приисковое дело, тогда и польза понятна будет. Брал, вот и польза. Убился, задавило рабочего, сломало руку, ногу; норовят уйти рабочие – воротить их назад, обходиться без слова «бунт» – вот и польза. Где деньги добывают, там уж денег не жаль – бери, сколько хочешь, да дело делай.

Кто-то заметил, что теперь уж не те времена.

– Оно, конечно, не те, да и я ведь не про царя Гороха говорю.

– Выведут эти порядки...

– Конечно, выведут...

Иван Владимирович самодовольно посмотрел в окно.

– Я человек старый, мне ничего не надо... Я прямо говорю...

Иван Владимирович чувствовал в себе прилив хорошего гражданского мужества и так смотрел, что ясно было, что он готов хоть сейчас положить свои кости за правое дело.

– Вот как на своей шее почувствуете: я да я, да ничего знать не хочу, – вот тогда и заглохнет тоска... Точно вот целая этакая, можно сказать, огромная страна ему в наследство досталась... лежала, лежала, – видите ли, дожидалась охотничка на своем горбу ум его испытывать. А ведь каждый-то с каким умом приезжает: он один все видит, все знает, все понимает... он один все рассмотрел, а там до него, как, что – все ерунда, все потемки, один он принес свет, он знает... А суньтесь к нему, – что, мол, как же, господин честной, мы для тебя или ты для нас? Ежели мы для тебя, ну – так так, а если ты для нас, так хоть послушай нашего глупого слова, – вот он вам и покажет тогда кузькину мать – тогда и узнаете, что такое эта самая Сибирь...

Ивану Владимировичу не мешали, и по стариковской болтливости он не думал себя удерживать.

– В городах, по трактам везде казенное клеймо, на каждом шагу. Вы чувствуете: если казенный вы человек – вам место, не казенный – вы так себе, терпеть вас только можно... вот вы кто... Это по казенному аршину... Это на первом плане. За казенной Сибирью идет коренная Сибирь: торговый народ и простой. Это опять особенная жизнь, особенный строй, которого никто не знает, всякий по-своему прицеливается, но никто колупнуть не может, и не понимает, да и не дорос... Это уж не в обиду... За этой Сибирью опять идет целая Сибирь: вольная, бродячая Сибирь. Это опять целое царство: тут опять надвое делится: бродячие народы, на законном основании – переселенцы и коренные бродяжки... Вот тут и разбирайся... Каждая жизнь свое ядро имеет и не сливается с другим, а только соприкасается. Вот в этих местах, где она прикоснулась, там и видна она, а ядро-то самое, что там в нем – это ни один из ваших писак никогда не видел, а видел, так не понял. Потому что, чтоб понять, мало родиться в Сибири, а от деда к внуку это пониманье идет.

– Ну, чем же у вас занимается, например, торговое сословие в Сибири? – спросил едко инженер.

– Как чем? – Торговлей... Золото, чай, пушной товар...

– Ну, вот про прииски мы слыхали... для чего вот вам воровство исправника нужно, а про пушное дело, водку и прочее расскажите нам; расскажите, кто развратил всех этих остяков, бурят и прочих?

Иван Владимирович тяжело встал.

– Стар я, отец мой, чтобы шутки надо мной шутить, – проговорил он и с чувством собственного достоинства ушел в каюту.

– Гусь, – пустил ему вдогонку инженер, – коренной гусь...

– Какой он коренной, – пренебрежительно проговорил один из пассажиров, – это бывший управитель казенного завода, при Муравьеве в отставку вышел или должен был выйти... Ну, родился действительно в Сибири, но и отец был чиновником. Он лезет только в коренные... Вот видели, вместе с ним ушел старик, бритый, молчит все да слушает, – вот этот из коренников... У этого вот десятка два миллионов наберется; ну так он и разговаривать не будет, а это только так... бесструнная балалайка, и говорит он, чтоб больше заслужить пред вот этим бритым.

В это время на палубу поднялся тот, о ком говорили, – бритый господин, и все смолкли.

С широким плоским лицом, плотный, бритый господин смахивал скорее на типичного актера-трагика, чем на коренной Сибири миллионера. Его поношенное пальто, скромный вид, скромная манера совсем не imponировали публике. Он подошел поодаль к играющим и заглядывал в карты. Он приятно улыбался ошибке игрока и напоминал собой скрягу, ищущего дешевых развлечений. За обедом ел только то, что было в карточке обеда, два раза чай пил и недоверчиво косился на тех, кто внимательно, сосредоточенно старался проникнуть в глубь этих безраличных скромных глаз.

А на палубе по-прежнему холодно – дует ветер, ходят по небу тучи, сердито скалится река своими белыми гребнями, то и дело появляющимися на волнах, уныло машут своими оголенными вершинами деревья, и только чайки среди этой всеобщей тоски сохраняют свой обычный бодрый, веселый вид.

Иногда мелькнет на берегу затопленная деревушка – иногда две-три избы, наполовину в воде – летнее пристанище остяков.

Иногда пароход пристаёт за дровами и провизией к такой деревушке, затопленной водой, где единственное сухое место – узкая полоса берега.

С одной стороны этой полосы необъятная Обь, а с другой – непроходимый лес. В этих деревнях население смешанное – русское и остяки. Собственно из русских две-три семьи: лавочник, содержатель кабака да поставщики живья на пароходы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.